

ДЕТЕКТИВ

ВЫСОКОГО

ПОЛЕТА

**Евгения
Ветрова**

*ТОЧКА
НЕВОЗВРАТА*

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ВЗ9

Редактор серии *В. Горюнова*

Художественное оформление серии *А. Дурасова*

При участии «Антон Чиж Book Producing Agency»

Ветрова, Евгения.

ВЗ9 Точка невозврата : [роман] / Евгения Ветрова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-163433-9

Жанна, работающая стюардессой, готовится к очередному полету: она много раз поднималась в небо, но из-за трагедии в прошлом теперь боится летать. Ее работу затрудняет и то, что в салоне самолета она видит своего бывшего парня. Жанна сталкивается с серьезными проблемами, которые могут стоить ей жизни, но не опускает руки и пытается разобраться в том, что случилось. И чем глубже она начнет погружаться в мир пассажиров, тем опаснее будет становиться роковой полет...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© **Евгения Ветрова, 2022**

© **Оформление.**

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-163433-9

Глава 1

Тринадцать лет назад

Ледяная крошка брызнула веером. Удар пришелся как раз в середину цифры «восемь» на спине и впечатал игрока в синей форме в борт хоккейной коробки. «Хех!» — выдохнул он, чувствуя, как затрещали ребра. Оттолкнулся, попутно поддев плечом противника, успел заметить лицо «двадцатки», прошипел:

— Отвали, Лапа!

Но было поздно. Потерянная шайба уже металась от клюшки к клюшке, неумолимо приближаясь к заветной цели.

— Пасуй! Лапа, пасуй! — раздался крик.

Обманное движение, обводка противника, шайба влетела в ворота. Вопли пронеслись горьким и радостным эхом под высокими сводами спортивного комплекса. Лапа, игрок в красной форме, «двадцатка», катился прочь от ворот, высоко потрясая клюшкой.

— Лапа! — громко крикнул «восьмерка» и провел крагой по горлу.

Лапа опустил клюшку, постучал ею по льду, словно приглашая противника к схватке. «Ну погоди же, — пробормотал «восьмерка», — сейчас я тебя сделаю». Стремительно бросился к игроку в красной форме, который вел шайбу, вздернул вверх его клюшку, давая шайбе продолжить скольжение, ловко перехватил и помчал на поле соперника.

Лапа бросился в погоню, терзая лед, и почти догнал, когда резкий звук свистка остановил его.

— Парни! Заканчиваем, — тренер подал сигнал еще раз, давая отбой игре. — Все, я сказал!

Хоккеисты подросткового клуба «Заря», тяжело отдуваясь, покатались к открытой в борту калитке. Тренер одобрительно посмотрел на их мокрые лица — выложились по полной. Молодцы. Двое игроков все еще толкались возле одних из ворот, щелкая клюшками по льду. Шайба отлетела к борту, раздался гулкий звук. «Восьмерка» метнулся за ней, сзади в него врезался «двадцатый», проведя неплохой хит.

— Двадцатый и восьмой, для вас особое приглашение? — Свист и последующий окрик, казалось, не возымели на мальчишек никакого действия. Тренер нахмурился. В кармане затрепыхался телефон, звонили из Комитета по спорту, и он спешно вышел в более тихое мес-

то. Мимо, тяжело грохая ботинками, протопали в раздевалку запаренные мальчишки.

— Да нет же, все равно я тебе сейчас вдую! — «Восьмерка» силился прорваться к воротам.

— Кишка тонка. — «Двадцатый» упал на колени, поймав шайбу.

— Простите, здесь сейчас наше время...

Хоккеисты дружно развернулись. Мальчишка лет тринадцати в синем трико с серебряным позументом строго смотрел из-под светлой челки.

— Ой, кто это тут? — дурашливо пропел «восьмерка». — Никак детский сад на прогулке?

— Нет, это попугаи сбежали из зоопарка. — «Двадцатый» быстро поднялся на ноги и легонько ткнул мальчишку крагой в плечо. — Смотрите на него: наше время, — передразнил он.

— Да, — твердо повторил фигурист, — наше время, и я вас прошу освободить лед. Мы такие же спортсмены, как и вы, и тоже платим за тренировки.

— Такие же? — громко захохотал «двадцатый», а следом за ним «восьмерка». — Да вы посмотрите на него! Еще бы в колготках на лед вышел.

— Да о чем ты с ним говоришь? Это же не мужик. Так... недоразумение в стразах, — «восьмерка» презрительно цыкнул сквозь дырку в зубах.

— По-вашему, мужик только тот, кто тупо ездит туда-сюда и гоняет дурацкую шайбу? Вот уж точно интеллектуальное занятие, — фигурист тряхнул челкой.

— Че ты сказал? — «восьмерка» грозно набычился.

— Подожди, — «двадцатый» отодвинул приятеля. — Значит, дурацкое? Ну-ка держи, — он сунул клюшку в руки оторопевшему мальчишке. — Докажи, что мужик, а не чмо в лосинах.

— И не собираюсь! — Клюшка упала на лед с глухим стуком.

— Да чего ты с ним возишься. Он же из этих, — «восьмерка» сделал неприличный жест.

Лицо мальчишки залила краска.

— Сам ты из этих! Идиот!

— Ой, ну точно! Смотри, как покраснел! А волосики-то длинные, как у девчонки. Девочка, а девочка, как тебя зовут?

Мальчишка замахнулся на обидчиков. Те со смехом разлетелись в стороны. «Восьмерка» клюшкой зацепил одиноко лежащую шайбу и погнал ее по льду. Возле фигуриста резко затормозил, погонял шайбу возле самых его ног.

— Ну, давай, — подначил он, — давай. Докажи, что мужик. Поймаешь шайбу — первый тебе руку пожму. Становись, — он кивнул на пустые ворота.

Фигурист посмотрел на ухмыляющиеся лица парней. Оглянулся на двери в раздевалку, откуда должен был появиться тренер.

— Думаешь, не смогу? — зло выпалил он. — Думаешь, самый крутой? Восьмой номер нацепил и считаешь, что на Ови стал похож? Да ты и рядом не стоял!

— О! Да ты хоккеем смотришь, девочка?

Хоккеисты громко засмеялись и застучали клюшками по льду. Фигурист сжал губы. Да, он любил хоккей, но ему нельзя в него играть. Надо беречь руки и ноги. И тренер его убьет, если... Он посмотрел на хоккеиста в синей форме. Такой же парень, может, чуть старше. Лет пятнадцати, а кажется уже таким взрослым и сильным. Да, у него там наклейки на плечах и груди. Но глаза — глаза не совсем детские. И лицо... Он кивнул и поехал в сторону ворот. Встал посередине, чуть согнул ноги в коленях, выставил перед собой клюшку.

— Молодец! — крикнули ему. — Держи!

«Восьмерка» покатал шайбу влево-вправо, подмигнул другу, тот ухмыльнулся, предвкушая потеху. Клюшка чиркнула по льду, подцепила шайбу под доньшко, и та, влекомая силой удара, не скользнула по гладкой поверхности, а подлетела и понеслась вперед. Напрасно мальчишка выставил клюшку, шайба ударила его по ноге и

отлетела вбок. Фигурист рухнул на колени. Не очень приятное падение. Впрочем, эта боль не глушила боль, которая разливалась по голени. Он застонал, чувствуя, как слезы сами катятся по щекам.

Хоккеисты смеялись и хлопали друг друга по наплечным щиткам.

— Молодец! Классный буллит.

— Все, идем. Саныч ругаться будет.

Они оглянулись на согнутого мальчишку и поспешили на выход. Фигурист с трудом встал. Нога почти онемела. Он все же толкнулся и покатил на здоровой ноге прямо на хоккеистов. Рука, сжатая в кулак, впечаталась в спину «двадцатки». Хоккеист оглянулся и ударил худенького противника в грудь растопыренной ладонью. Мальчишка отлетел и треснулся об лед, проехав на спине по инерции. И остановился. И больше не двигался.

— Тоже неплохой буллит, — хмыкнул «восьмерка». Они вышли со льда и скрылись в дверях раздевалки.

* * *

Девочка в шифоновом платье, расшитом пайетками, замешкалась у бортика, снимая чехлы с лезвий. Где же Глеб? Он же вроде должен приехать раньше нее. У него сегодня было занятие с репетитором по математике, кото-

рый жил недалеко от спортцентра. Девочка положила чехлы на скамью и скользнула на лед. Нет, Глеб уже пришел. Только почему-то улегся прямо на лед, да еще и в костюме для выступлений. Совсем уже, что ли? У них соревнования совсем скоро. Уже несколько дней они оттачивали программу, привыкая к костюмам.

— Глеб! — позвала она. — Хватит шутить!

Глеб не шутил. Он лежал и смотрел вверх широко открытыми глазами. По льду растекалось что-то яркое и алое. Из ее груди вырвался крик, ударил в стальные перекрытия и взорвался многократным эхом в потолочных окнах.

Потом ей долго будет сниться это алое пятно на белом поле. Нет, не долго — всю жизнь.

— Что? Что случилось? — по льду уже бежала женщина в спортивном костюме. Резко затормозила, ахнула, рванула на себя девочку, прижала к себе.

Хоккейный тренер, как раз закончивший разговор, выбежал на каток. Быстро набрал номер спортивного врача, потом «Скорую». Его подопечные столпились у калитки, перешептывались. Тренер поискал глазами и не нашел того, кого хотел.

— Уведите ее, — шепнул он женщине. — «Скорую» я вызвал. И врач сейчас придет.

— Ему нужна помощь! Вы же видите, у него кровь! — кричала девочка.

Тренер присел рядом с телом, взгляделся в неподвижное лицо.

— Пустите меня! Глеб! Пустите!

Тренер все понял: судебное разбирательство как минимум.

Женщина пыталась вывести девочку с катка. Та упиралась, но все же потихоньку двигалась в сторону открытой в коробе калитки.

Тренер на секунду задумался. Рука его скользнула вниз по ноге фигуриста. Быстрым движением он дернул конец шнурка на ботинке и встал. Как раз когда слышались торопливые шаги.

— Что тут? — запыхавшаяся женщина-врач держала в руке аптечку.

— Да вот, Ирина Павловна, кажется, несчастный случай.

Ирина Павловна нагнулась и взгляделась в лицо пострадавшего.

— «Скорая» едет?

— Да.

— Трогать не будем, — Ирина Павловна открыла чемоданчик. — Скорей всего черепно-мозговая. Адреналин вколю для поддержания... Как же это он так?

— Шнурок развязан, споткнулся, наверное...

— Беда какая.

«Беда, — подумал тренер, — еще какая беда». Он повернулся к своим ребятам.

— Что встали, парни? Переодеваться и ждать меня. Понятно?

Его игроки дружно кивнули и покинули лед. А тренер фигуристов прижимала к себе девочку, гладила по голове. Утешала. Хотя как тут утешить.

С улицы долетел тоскливый вой сирены.

Глава 2

Наше время

Храбрец умирает один раз, трус — многократно, но все же не каждый день, как она. Жанна сунула ноги в удобные лоферы, провела рукой по волосам, стянутым в аккуратный пучок. Пора. Чемодан с вечера стоял на страже возле дверей. Портплед с формой висел на руке. На пороге она оглянулась, прикидывая, не забыла ли выключить свет, воду, газ, утюг... поняла, что просто оттягивает момент, когда надо будет выйти за дверь и нажать кнопку лифта. «Темной-претемной ночью шел суслик по лесу и ничего не боялся», — пробормотала она привычную мантру и хлопнула замком.

Почтовый ящик ощерился газетами, как объевшийся тростника бегемот. Она вытащила кипу никому не нужных газет и рекламных проспектов и, воровато оглянувшись, запихала за батарею. Тащить это до помойки не было времени, а оставлять в ящике — провоцировать воришек, показывая, что хозяев дома нет. Непонятно, как ее до сих пор не об-

несли, с ее работой. Правда, братья у нее особо нечего, разве что холодильник и новенькую плазму.

Почтовый конверт выпал из вороха бумаг и спланировал прямо к блестящим носам локферов. Она подняла его, перевернула. Обычный белый конверт. Заклеенный. Без марок и адресата. Нехороший холодок пробежал вдоль позвонков до самого копчика, она перевернула плечами. Дверь квартиры напротив почтовых ящиков клацнула замком. На площадку высунулась голова с фиолетовыми кудельками.

— А, это ты? — Голос у пожилой соседки, за глаза называемой «пилорамой», действительно напоминал звук несмазанной циркулярки. — А я смотрю, кто-то у ящиков возится и возится, возится и возится. Вчера вон у Смирновых чуть квартиру не обчистили, хорошо, я вовремя заметила, позвонила куда следует. Так они знаешь что удумали, аспиды? Ключи мои украли. Это чтобы я из квартиры выйти не могла.

— Кто украл? — удивилась Жанна, на миг позабыв и про конверт, и про все.

— Так эти ворюги, — старуха вышла на площадку, придерживая дверь ногой. Цветастый фланелевый халат, распахиваясь, являл миру ситцевую ночнушку в голубых незабуд-

ках. — Узнали, что их планам коварным помешала, и сперли ключики мои, — старуха всхлипнула и утерла глаза сморщенным кулачком. — Знают, что последние. Мне теперь из дома не выйти. Помирать теперь... кто хлебушка принесет? Никто. Как пенсию получить? Никак.

— Подождите, Нинель Адамовна, — Жанна пристроила портплед на ручку чемодана и подошла к ней, — давайте разберемся. Как они попали к вам в квартиру? Вы же позвонили в полицию? И что было дальше?

Нинель Адамовна вскинула на нее выцветшие глаза. Жанна терпеливо ждала. От вредной старухи стонал весь дом — жалобы на соседей сыпались из нее как из рога изобилия, но в то же время она бдительно охраняла подступы к квартирам.

— А, — воспоминания хоть и медленно, но загрузились в фиолетовую голову, — позвонила, да. Пока они ехали, те уже убежали. Я видела, как мимо шмыгнули трое таких... — лицом она изобразила каких.

— А ключи? — напомнила Жанна. — Вы сказали, ключи у вас украли. Кто-то заходил к вам?

— Точно! — Нинель Адамовна широко улыбнулась. — Я на почту ходила, жалобу отправить этому, как его... прокурору. Вернулась.

Углядела аспидов этих, сообщила куда следует. Они мне еще нахамили там, мол, отстань, бабушка, не мешай работать. То есть честные граждане им работать мешают, каково? Ну вот я еще устрою...

— Ключи-то как пропали? — напомнила Жанна, глянув на часы. Стрелки неумолимо ползли к критической отметке. Опаздывать было нельзя категорически.

— Так и говорю же, позвонила в полицию, а они там и говорят, мол, устали от тебя, бабушка. У меня аж давление поднялось. Я в аптеку собралась, а ключей-то и нет! Украли, аспиды, как есть украли!

Жанна задумалась. Никто, конечно, ключи не крал, но старуха, пожалуй, и правда застрянет в доме, боясь уйти, не заперев квартиру. Еще и помрет, не дай бог, к ее возвращению. Времени было в обрез, но Жанна тронула старушку за худенькое плечико.

— Вы позволите? — она кивнула на вход в квартиру.

— Ну что ж, проходи, — старуха удивилась и пропустила ее вперед.

Жанна быстро огляделась. В тесной прихожей торчала крытая вязаным ковриком табуретка: все же пенсионерка коротала время, подглядывая в глазок за соседями.

— Во сколько вчера звонили в полицию?

— Так вот с почты пришла аккурат перед обедом, смотрю, на втором этаже кто-то гремит, ну сразу и позвонила.

— А ходили в чем?

Нинель Адамовна тронула стеганое демисезонное пальто на вешалке. Пальто было на удивление добротным, явно новым. Жанна пощупала карманы и для верности еще и залезла внутрь. Пусто.

Старуха хмыкнула.

— Думаешь, не проверяла? Все перетрясла: карманы, сумки, даже тумбочку отодвинула. Украли ж, говорю! Пропала я, бедная. Это ж последние были... Замок теперь менять, да? — В голосе старухи звучало неподдельное отчаяние. — Это ж сколько денег-то?

— Может, сыну вашему позвонить? — с надеждой спросила Жанна.

— Вот еще! — Нинель Адамовна махнула рукой. — Поедет он, как же! Вон пальто мне и то с курьером прислал. Некогда ему, вишь. Плюнул на мать. Растила, кормила, выучила... а он и носа не кажет. Курьером мне присылает... аспид!

Дело пахло керосином. Ей уже давно надо было подъезжать к кольцевой автостраде, а она пытается спасти старушку от мифической голодной смерти.

— Курьер вчера приезжал? Ну, с пальто?

— Вчера. Думаешь, он ключи спер? Так ведь нет. Как бы я потом на почту попала?

— Ага. Сначала приехал курьер, потом вы пошли на почту? В новом пальто?

Старуха кивнула. Жанна посмотрела на вешалку. Какие-то кофты и тертые временем куртки висели рядами. Новое пальто — из непромокаемой зеленой ткани, со светозащитными нашивками на карманах — смотрелось тут инопланетным пришельцем. Жанна чуть улыбнулась, представив, как Нинель Адамовна, получив посылку, тут же побежала на почту, где, вероятнее всего, уже сложился кружок по интересам — хвастаться обновкой и заодно ругать сына, соседей и правительство. Жанна чуть наморщила лоб, вспоминая, что обычно носила соседка. Она выцепила взглядом серый драп с облезлым воротником. Сунула руку в один карман, в другой, пальцы коснулись холодного металла. Извлеченная на свет плотная связка ключей тихо звякнула.

— О! — Губы Нинель Адамовны сложились сморщенным удивленным колечком. — Как же это?

— Вы машинально сунули их в старое пальто. По привычке. Я сама такая же рассеянная, — тут она глянула на часы и метнулась к дверям. — Нинель Адамовна, я побегу. У меня рейс.

— Куда летишь? — Нинель Адамовна держала ключи на вытянутой вперед ладони, словно все еще не веря, что они нашлись.

— Самара. — Старуха блеснула глазами, и Жанна, предупреждая новый поток причитаний, быстро спросила: — Что вам привезти, Нинель Адамовна?

— Здоровья и молодости, — вздохнула Нинель Адамовна и поправила халат на впалой груди. — Ну с богом, — сухая птичья лапка перекрестила воздух, — может, жениха найдешь хорошего.

Дверь хлопнула, старуха шустро сунула ключ в замочную скважину и с наслаждением повернула три раза. Настроение у нее улучшилось, а как же — и ключи туточки, и пальто новое сыночка подогнал. Вчера на почте все от зависти чуть не лопнули.

Старуха пошаркала на кухню и пристроилась у окна, глядя, как долговязая соседка затаскивает чемодан в багажник машины. Так-то ничего девка, тоща только и бледна. Небось сидит вечно на диетах этих своих. Досидит, что ветром унесет. Потому и замуж не берет никто, а ведь не молодуха уже. Нинель Адамовна смахнула прозрачную каплю с кончика носа. Хорошая девка, но шалава, конечно, как и все нынешние, зато с пониманием. Подарочек вон обещала. Неважно какой. Хоть иголку, но подари. Окажи уважение.

* * *

Письмо в кармане, казалось, пыталось выбраться наружу. «Что ты как истеричка, успокойся, — приказала Жанна себе. Хотя с ужасом узнала это накатывающее на нее чувство. Пуховой подушкой оно накрывало голову, и тогда пространство вокруг замирало, становилось тягучим, как свежий мед, и необычайно отчетливо пронзительным. Каждый шаг отдавался в ушах многослойным эхом, доходящим до нее еле секундной, но все же задержкой. — Только не сейчас. Нет!»

Глухой чмокающий звук — хлопнула дверца багажника — привел ее в чувство. Она потрясла головой. Приступов давно не было. С тех пор как она рассталась с Димкой. И слава богу! И вот опять. Причина была понятна. Письмо. Как правило, приступы случались в момент, когда что-то должно произойти. Она не сразу поняла это. А поняв, стала бояться. «Нет, — Жанна повесила портплед в салоне, — суслики не сдаются».

Мотор мягко заурчал. Прежде чем щелкнуть ремнем безопасности, она все же вытащила конверт, повертела в руках, надорвала: внутри находился шершавый лист бумаги (ее еще называют писчей), сложенный в четыре раза. Догадываясь, что ничего хорошего там нет, она

все же развернула его и громко и сочно выругалась. Рисунок, похожий на детские каракули, изображал летящий носом к земле самолет. Печатные неровные буквы складывались в надпись: «Приятного полета».

— Чтоб ты сдох! — Жанна дернула рычаг и выжала сцепление. Посмотрела на руки. Не дрожат ли? Нет. А вот не дожدهшься. Ты, Димочка, не знаешь, что меня лучше не злить. Я тебе голову оторву. Когда доберусь.

* * *

Аэропорт — особая среда, тут не бывает случайных людей. Улетающие, провожающие, встречающие — у каждого в этом месте свое дело. Каждый знает, зачем он тут, но не каждый знает — почему. Жанна знала. Когда-то, сто лет назад один человек сказал ей: «Рожденный ползать летать не может». С тех пор прошло много лет: этого человека давно нет в ее жизни, а она летает.

Жанна вошла в раздевалку. Майка Веденеева, уже затянутая в форменный костюм, трепалась с кем-то по телефону. Наталья Божко складывала одежду в чемодан.

— Что-то ты сегодня поздновато. И бледна. Не выспалась? — вместо приветствия сказала она.

Жанна мотнула головой и поспешила переодеться. Сворачивая плащ, она услышала шуршание. Письмо. Выкинуть пакость. Она вытащила конверт. Конечно, глазастая Наталья тут же пристала:

— О! От поклонника?

— Почти, — пришлось заставить себя улыбнуться. Конверт полетел в мусорное ведро, рисунок, свернутый аккуратной восьмушкой, пошел в карман синего с голубыми вставками форменного пиджака. Наталья не просто глазаста, но и не в меру любопытна, с нее станется и в мусорку залезть.

Жанна поправила воротник голубой блузы, разлаписто раскинувшийся на лацканах синего пиджака. Оранжевый платочек дополнял костюм. Видимо, по мнению дизайнера, яркое пятно в сине-голубой гамме должно было символизировать солнце. А может, что-то еще. Осталось последнее — головной убор. Она практически не смотрелась в зеркало, надевая отработанным движением форменную синюю пилотку с голубым кантом. И напоследок бросила взгляд на себя, чтобы убедиться, что ни один волосок не выбивается из гладко причесанных темно-шоколадных волос. Да, сегодня она что-то и правда бледна Жанна пощипала скулы, пытаясь вернуть им цвет. Когда-то Таня отучила ее пользоваться тональным кре-

мом и румянами. Сухой воздух салона обезвоживал кожу, косметика скатывалась, сыпалась, рисуя на лице уродливую маску. Вспомнилось, как, увидев ее первый раз, Таня воскликнула: «О, посмотрите на эту Белоснежку!» Она в тот раз действительно была бледна от страха, все же первый рейс. Возможно, от этого ее голубые глаза казались больше и темнее. Кличка приклеилась. Во всяком случае, в их маленьком и тесном кругу.

Жанна огладила себя по бокам, поправляя узкую юбку на бедрах.

— Туфли, — подсказала Наталья.

Жанна благодарно улыбнулась. Она вечно забывала. Достала черные узконосые туфли и со вздохом надела. Неудобно, зато элегантно. Встречать пассажиров надо во всей красе. Не забыть взять с собой сменку, а то ноги за время полета убудутся напрочь. Молния чемодана вжикнула.

— Я готова.

* * *

Перед медицинским кабинетом уже топтался Антон Фролов, молодой оболтус, которого в стюарды пристроил отец, какой-то аэрофлотовский начальник. Антон неплохо смотрелся в форменном пиджаке, и даже нарочито небрежная стрижка с бакенбардами, переходящи-

ми в щегольскую бородку, удачно вписывалась в образ. Фролов с Майкой были ровесниками, почти одногодками. Майка пришла в авиацию сразу после института. Правда, на кого она там училась, до сих пор было неясно. Как-то она поделилась с Жанной — хотела стать моделью, но не прошла по росту, а вот для самолетов оказалась самое то, что нужно. Ну и деньги опять же, и возможность познакомиться с кем-нибудь, лучше богатым и знаменитым. Правда, для этого она выбрала не ту авиакомпанию. «Скай-транс» выполняла исключительно внутренние рейсы экономкласса. Майка все порывалась довести свой английский до уровня международных компаний, но, видимо, не слишком усердно. Потому что уже год как летала в их экипаже и, кажется, смирилась с этим.

— Я старая касалетка¹, — шутила Наталья, которая летала восьмой год и, наверное, действительно могла гордо носить это почетное звание. У самой Жанны налета было всего пять лет, на что Божко всегда утешала: — Ничего, как тридцатник стукнет, приму тебя в свой клуб.

До тридцатника было еще целых три года, так что можно было не переживать.

¹ Старая касалетка — на авиасленге стюардесса с большим временем налета.

Дверь кабинета открылась, выпустив командира экипажа Лаврушина.

— Степан Андреевич, — Божко засияла хорошо сделанными зубами. — Вы сегодня прямо цветете. В парикмахерскую ходили?

Лаврушин добродушно усмехнулся. В свои пятьдесят семь лет он был еще огурцом и на пенсию не собирался. Да и кто его отпустит? Кого за штурвал посадить? Вторым пилотом у него был Ильяс Камаев. Хороший летчик, да. Немного рисковый в силу молодости. Ему бы «боинги» водить, но не судьба. А тех, кто из училища приходит, и к самолету подпускать страшно. Все надеются на технику и на автопилот.

— Степан Андреевич, — не унималась Наталья, — вы какой-то излишне возбужденный.

Лаврушин сделал недоуменный вид, но потом добродушно рассмеялся.

— Да рейс у нас сегодня какой, знаете? А... то-то. Наших везем на матч. И не просто матч, а полуфинал. Так что надо, чтобы все прошло без сучка без задоринки. Но об этом еще на предполетном брифинге особо скажу.

— Фи, — Майка фыркнула. — Никогда не понимала, что хорошего смотреть, как бегают по полю куча мужиков за мячиком.

— Абсолютно согласен, — кивнул Лаврушин. — Ерунда это. А вот шайбу по льду гонять

совсем другое дело. Ладно, после проверки жду всех на брифинг.

Лаврушин сиял лицом. О его страсти к хоккею ходили легенды. Наверняка, узнав, что хоккейный клуб арендовал чартер для поездки, сам же и подсуетился, чтобы рейс достался его экипажу.

Майка уставилась на него. Выпуклый лобик прорезала тонкая морщинка. Антон усмехнулся и хлопнул ее по спине.

— Мы хоккеистов везем. Это тебе не мячик. Это шайба. Умело брошенная шайба летит со скоростью больше ста километров в час. Хоккей — это серьезно, детка.

— А, — Майка дернула плечом. — А они так же, как и футболисты, зарабатывают?

— Да ты что! Больше. Гораздо больше, — Антон подмигнул Наталье. Он явно развлекался.

Наталья не поддержала шутку коллеги. Антон парень неплохой, но в последнее время как-то странно себя ведет. И эти его подмигивания... нет, конечно, приятно, когда молодняк на тебя так реагирует. Но заводить романы на работе — последнее дело. Вот как раз ходячий пример того, что бывает из-за служебных романов, — следующим из кабинета вышел второй пилот Камаев. С бесстрастным лицом и вежливой полуулыбкой. Такой весь загадочный. Спе-

циально, наверное, интересничает, знает, на что женский пол падок. Интересно, если бы не Антон, а Камаев ей подмигнул, она бы устояла? Надо у Жанки спросить. Она обернулась и тут же толкнула подругу в бок.

— Ты в нем сейчас дыру проглядишь, — шепнула она.

Жанна поспешно опустила глаза. Черт ее дернул как-то по пьяному делу сболтнуть при Наташке лишнего. Ну да, нравится ей этот неприступный как айсберг и такой же холодный второй пилот. Может, даже больше, чем нравится. Хотя кроме лица, украденного у какого-то голливудского актера, и фигуры, слепленной неким небесным Микеланджело, не было в Камаеве ничего хорошего, ровным счетом ничего. Кроме... кроме того, что рядом с ним у нее внутри начинали порхать те самые пресловутые бабочки, на время прогоняя мерзких жаб, которые давно и прочно обосновались там и не собирались уходить добровольно.

Камаев появился в компании примерно год назад. Но столкнулись они в одном рейсе не сразу. На предполетном брифинге, когда экипаж знакомился друг с другом, она сначала и не обратила на него особого внимания, подумала, ну вот еще один записной бабник, уж больно красив. Но потом она услышала его голос: бархатный, с грудными переливами — от

него замирало сердце и начинало ныть чуть пониже диафрагмы. Это же невозможно — иметь такой голос, подумала она тогда, за это сажать надо. На цепь и с кляпом во рту. Перед глазами тут же родилась картина связанного второго пилота. Голого, но в фуражке. Она тогда громко фыркнула, чем вызвала у Камаева слегка ироничный взгляд и легкую усмешку, словно он прочитал ее нескромные мысли. Этот взгляд и, главное, усмешка ввергли ее в крайнюю степень смущения так, что она совершенно неприлично залилась краской и до сих пор не могла без досады вспоминать этот эпизод.

— Не знаю, чем можно в этом толстокожем чудище дыру проделать, — буркнула она, — но явно не моим взглядом.

— У тебя все в порядке? Ты чем-то расстроена, я же вижу.

— Да все нормально. Просто... Устала, наверное.

— А я давно говорю, что надо тебе к моему косметологу походить. Чудо-врач.

Наталья улыбнулась, зная, что в свои тридцать выглядит лет на пять моложе. Она поправила пиджак на груди. Опять наела за выходные несколько лишних граммов. Теперь вот пуговица так и норовит расстегнуться. Хорошо Жанке — не ест и не хочет, а ей держаться подальше от холодильника помогает только

сила воли да ипотека. Здравствуй лишний килограмм — прощай небо.

— Ты не слышала от Эльвиры ничего странного? — спросила Жанна, надеясь увести разговор от неприятной темы. — Мне показалось, что у нас опять какие-то проблемы. — Эльвира Дмитриевна была их инструктором, курировала их группу бортпроводников, назначала на рейсы, решала вопросы, давала втык, если нужно, такая «домоправительница-домомучительница».

Наталья махнула рукой:

— У нас всегда проблемы, ты же знаешь. Не бери в голову. Как-нибудь образуется.

Жанна кивнула для порядка. Слухи о финансовых проблемах и грядущей продаже компании одному из авиагигантов ходили давно и достаточно регулярно. Правда, каждый раз оказывались ложной тревогой. Все равно: дыма без огня не бывает. И если Наталья могла не слишком беспокоиться, имея мужа и финансовую поддержку, то Жанну эти слухи нервировали довольно сильно.

* * *

На предполетный осмотр Жанна всегда ходила последней, пропуская вперед всех остальных. Никто не удивлялся, возможно, считали,

что это своего рода ритуал. А как в авиации без ритуалов? Никак. Кругом запреты и суеверия. Не фотографироваться перед полетами, например. Помимо общепринятых, каждый обрастал за время работы еще и собственными. В ожидании своей очереди она стояла, прижавшись лопатками к холодной стене, выравнивая дыхание. Где-то там, в глубинах сознания, трусливый суслик храбро шел по лесу... Она сделала последний глубокий вдох и шагнула к дверям медкабинета.

Для встречи с врачом полагалась одна из трех фирменных улыбок. Эта называлась «очень рада вас видеть».

— Жалобы есть? Когда были в рейсе последний раз? Как самочувствие?

Манжета туго обхватила плечо, сдавила мышцы, пережав сосуды. Через несколько секунд освобожденная кровь с силой хлынет по венам, выдав на дисплее показатели систолического и диастолического давления. У нее с детства пониженное. Но сейчас прибор показал норму, классические сто двадцать на восемьдесят.

«Жалобы есть, да. Знаете, доктор, я смертельно, до судорог, боюсь летать. Такая вот смешная шутка. Когда самолет начинает разбег, мое сердце разрывается на миллионы осколков, а когда шасси отрываются от земли,

я готова прокусить себе руку. В момент посадки у меня холодеют пальцы так, что я не могу удержать трубку интеркома, чтобы сообщить пассажирам о прибытии в аэропорт назначения. А в остальном — все хорошо. Просто отлично».

Вслух же она сказала, конечно, другое:

— Жалоб нет. Последний рейс был два дня назад. Чувствую себя хорошо.

* * *

Брифинг закончился.

— Пора, — Камаев посмотрел на ручные часы. Они с Лаврушиным переглянулись. Командовать должен командир. Камаев и не оспаривал. Хотя один бог знает, как ему это тяжело давалось.

Лаврушин кивнул и подал знак. Дружно и давно заведенным порядком — впереди пилоты, за ними попарно бортпроводники — экипаж направился к пункту досмотра.

Оживший динамик набатом прохрипел какое-то объявление. Жанна вздрогнула: сообщение дошло до ее ушей с еле заметной задержкой. Идущие впереди двое мужчин в синей форме печатали шаг по керамзитовой плитке зала. И эхо их шагов, словно зависая, тоже не сразу фиксировалось сознанием. «Шел суслик

по лесу, шел суслик по лесу», — фраза заметалась в голове, пытаясь пробить вязкую пуховую подушку. Она посмотрела в огромные окна на летное поле. Где-то там, на поле, их ждал самолет, уже заправленный, прошедший предполетный досмотр, нашпигованный всем необходимым. Як-42, небольшой, компактный, надежный. Очень похожий на тот, что падал носом вниз на странном детском рисунке, брошенном в ее почтовый ящик.

Глава 3

Шумели все. Если честно, ор стоял как на стадионе. Для Геннадия Павловича Мухина такой фон был привычен и даже радостен. Ничего, пусть пошумят, пар выпустят. За долгий путь от игрока до тренера он заматерел, покрылся коростой здорового скептицизма. Привык ничему не удивляться и сохранять спокойствие в непростых ситуациях. Победили — молодцы, проиграли — тренер виноват. Неблагодарная работа, но другой у него не было. Юбилей справил в прошлом году, теперь уж поздно коней менять на переправе, да и стоит ли. Он хрустнул шейей, размял кисти рук. Возраст давал себя знать. Давление, сосуды и прочее, но в принципе ничего серьезного, слава богу. Мы еще покажем, что «Буревестник» не какой-то там заштатный клуб, а серьезная команда. Мухин прикрыл глаза, тряхнул все еще густыми волосами.

Игра в этот раз предстоит серьезная. От победы в этом матче зависело многое и, ко-

нечно, главное — деньги. Спонсоры, дотации и прочее. Зарплата. Менеджер команды уже намекал на грядущие изменения. Организационные вопросы пусть руководство решает. Его дело дать ребятам установку на победу. И не дать совершить глупостей. А они надеяться могут. Глупостей-то. Даром что не дети давно. Вон Борисову двадцать пять уже, но как отмочит чего, хоть стой, хоть падай. Зато игрок от бога. Лучший форвард команды, капитан. Хотя не без недостатков, да. Мухин искал глазами, углядел фигурно выбритый висок: Борисов спокойно сидел в углу возле дерева в кадке, ковырялся в смартфоне и, казалось, единственный не принимал участие в веселье.

— Серега, расскажи, как ты вчера в клубе отжигал! — кричал кто-то. — Твой видос уже пять тысяч просмотров набрал. Видели, нет? Смотрите...

Раздался дружный гогот. Виновник веселья махал руками, в красках живописуя вчерашний вечер. Эта часть зала ожидания, плотно оккупированная членами хоккейной команды, сейчас напоминала раздевалку на стадионе после матча. Двадцать пять парней, от двадцати до тридцати лет, расположились в произвольном порядке и переговаривались друг с другом громкими и чуть охрипшими голосами.

Мухин подсел к сухощавому мужчине с костлявым лицом. Спортивный врач команды Усов посмотрел на него большими глазами.

— О чем ты вечно горюешь, Костя? — недовольно буркнул Мухин. — Баржа с сеном потонула?

— Извини, — скривился Усов, — не знал, что мой вид вызывает у тебя негативные ассоциации.

— Вот сколько тебя знаю, вечно у тебя на лице вся мировая скорбь.

— А что, есть повод радоваться?

— А ну тебя, — добродушно отмахнулся Мухин. Они работали вместе не первый год, привыкли друг к другу и прекрасно ладили.

Усов рыскал глазами по залу. Ищет жену, догадался Мухин. Виктория, вторая жена доктора, почти на пятнадцать лет моложе мужа, — его вечная головная боль. «Божественно красива», — вздыхал Усов, совершенно искренне любуясь точеной фигурой и безупречно гладкой кожей цвета топлёных сливок. Возможно, в роду Виктории имелась испанская кровь, в любом случае он так и называл ее: «Моя Кармен». Геннадий Андреевич ткнул приятеля в бок, Усов облегченно вздохнул, увидев супругу в компании Алены Порошиной.

Кирилл Порошин, второй нападающий двадцати девяти лет, молчаливый, покладистый,

безотказный, напоминал спящего медвежонка, которого не стоило дразнить лишний раз. А вот жена его, Алена, у всех вызывала одно и то же чувство — обнять и защищать. Худенькая (в чем душа держится), светленькая, даже не просто светленькая, а какая-то словно специально выбеленная, с большими влажными оленьими глазами, она всегда была готова прийти на помощь: утешить, обнять, накормить или просто молча пожалеть. Ее не трогал даже Борисов, от злого языка которого доставалось всем.

Алена копалась в сумке и что-то рассказывала Виктории. Виктория, похоже, не слушала, но изредка кивала, показывая заинтересованность. Не переставая быстро-быстро набирать сообщения. Иногда на ее губах мелькала улыбка. Видимо, то, что писал ей невидимый собеседник, забавляло ее.

— Еще я взяла пирожки, — говорила Алена. Ее глубокий и без всякой пискливости голос странным образом не соответствовал внешности олененка Бэмби. — Вчера испекла, не пропадать же им. Пока до обеда дело дойдет, ребята проголодаются. Ты не знаешь, чем в самолете кормить будут?

— Да чем и всегда, — хмыкнула Виктория, не переставая писать. — Мясо, курица, рыба. Эти обеды везде одинаковые.

— Не скажи...

Виктория внезапно подняла голову, посмотрела в спину мужа, о чем-то негромко беседующего с тренером, и грациозно встала.

— Сейчас приду.

Мелкими шагами она направилась в сторону туалета, не забыв полюбоваться фигурной тенью, мелькнувшей на стене. Она знала, что красива, знала, что вызывает у мужчин вполне определенные эмоции. Знала, но это никак не делало ее счастливее, скорее наоборот. Помещение, отделанное светлым кафелем, заливал свет дневных ламп под потолком. Она выбрала кабинку и заперлась в ней. Открыла последнее сообщение с прикрепленной фотографией. На ней виднелась часть тела, в которой угадывалась обнаженная мужская грудь с темной порослью волос и золотым медальоном на цепочке. Подпись под снимком вопрошала: «Слабо?»

Женщина тихо засмеялась, торопливо растегнула блузку, приспустила ляжку бюстгалтера. Раздался щелчок камеры. Ответ пришел быстро: «И это все, на что ты способна? Я разочарован. Вот как надо». Открывшееся фото кинуло ее в краску. Она почти нажала на кнопку «Удалить», но передумала. Подышала немного, успокаивая сердце. Хмыкнула. Он хочет поиграть? Да, ее заводят эти игры. Эти невидимые эротические токи, текущие по сети, проникали

в ее тело от каждой фразы и даже каждого знака препинания его сообщений. «Сексуальный террорист, — шепнули ее губы и сложились в улыбку, — но, клянусь, теперь ты от меня так просто не отделаешься. Я тебя все равно дожму». Виктория сняла блузку и повесила на крючок. Что ж, он хотел видеть больше? Он увидит.

* * *

Самолет в сине-голубой ливрее с яркой оранжевой полосой на фюзеляже невозмутимо переждал предполетную суету. «Скайтранс», отгрызенный в свое время кусочек одной крупной авиакомпании, имел на балансе два десятка воздушных судов, выполнявших региональные перевозки, а также чартерные рейсы. Пилоты, уже осмотрев судно, устраивались в кокпите.

Бригадиром бортпроводников, как всегда, назначили Наталью как самую опытную, и та, конечно, в свой головной отсек взяла Жанну, отправив Майю с Антоном в хвост.

— Терпеть их обоих не могу, — с кривой ухмылкой пояснила она свой выбор. — Майя дуручка и паникерша, а от Антона с его плоскими шуточками у меня к концу рейса глаз задергается. Ей-богу!

Основной люк в хвостовой части, являющийся по совместительству и трапом, был от-

кинут в ожидании пассажиров. Жанна заняла свое место возле входа.

— Вон наши паксы¹ едут, — Наталья указала на медленно катящийся по аэродрому автобус. — Ох, чувствую, хлебнем мы сегодня.

— Все будет хорошо, — Жанна растянула губы в улыбке, поправила бейджик, платочек.

— Конечно! — тяжелая рука легла ей на плечо. — Все будет просто замечательно.

Лаврушин лично вышел встретить почетных гостей. Наталья еле заметно вскинула брови. Какая честь!

Двери автобуса распахнулись, на поле вывалилось десятка два молодых парней.

— Ты посмотри только на них, это ж умереть не встать, — вполголоса сказала Наталья. — Все как на подбор, ниже ста восьмидесяти и нет, пожалуй. Где только их берут, на каких дрожжах выращивают?

— Угу, на подбор, — Жанна усмехнулась, но еле заметно, краешком губ. — А вот и дядька Черномор.

Из автобуса вышел высокий, широкий в плечах, чуть огрузневший мужчина слегка за пятьдесят. Спортсмены почтительно расступились, позволив ему первому взойти на борт.

¹ Паксы — пассажиры на авиасленге.

— Добро пожаловать, — ослепительно улыбнулась Наталья.

— Приятного полета, — точно так же улыбнулась Жанна.

— Геннадий Павлович, мое почтение, — Лаврушин выдвинулся вперед, и они обменялись с «черномором» рукопожатием.

— Степан Андреевич, рад видеть. Это вы нас сегодня везете?

— Ну а как же! Не мог же я пропустить финал? И билетики вот тут, — Лаврушин похлопал себя по карману кителя.

— Вам пора уже от нашего клуба годовой абонемент на все игры подарить, ей-богу!

Лаврушин засмеялся.

— Вот, девочки, рекомендую — Мухин Геннадий Павлович, один из лучших тренеров на сегодняшний день. А какой игрок был! — Лаврушин закатил глаза.

— Тьфу-тьфу, не перехвали, а то сглазишь, — Мухин покачал головой. — Рад буду видеть на игре. И вас, прекрасные дамы, тоже, — он чуть поклонился и прошел в салон.

— Эх! — Лаврушин потряс в воздухе кулаком. — Нам бы в финал... Ладно, принимайте пассажиров, и летим к победе.

Следом за Мухиным потянулись остальные спортсмены.

— Добро пожаловать.

— Приятного полета.

Губы растягиваются в профессиональной дружелюбной улыбке. В ней нет фальши. Просто один из элементов униформы. Но они любят своих пассажиров. Тот, кто не любит, не задерживается на этой работе, иначе несколько часов в замкнутом пространстве рано или поздно сведут с ума.

— Рассаживайтесь на свободные места, пожалуйста. — Улыбка, плавный жест рукой.

— Кормить скоро будете?

Жанна улыбается. Каждый раз кто-то спрашивает о еде именно на входе, сразу.

— После набора высоты вам будут предложены прохладительные напитки, а потом обед. Проходите. Приятного полета.

Следующий пассажир, улыбка, приветствие...

— Н-да... — Высокий парень лет двадцати пяти, с ровным южным загаром на лице, с фигурно выстриженными волосами в виде молнии на левом виске, застыл на кромке люка. Его глаза презрительно оглядели внутреннюю отделку самолета, равнодушно скользнули по бортпроводницам, чуть задержались на бейджике Жанны. Он хмыкнул. — А что, этот раритет сумеет оторваться от земли? Где только откопали этот кукурузник...

Жанна почти открыла рот, но увидела выра-

зительное лицо Натальи. «Молчи», — говорили ее крепко стиснутые губы.

— Добро пожаловать на борт. Приятного полета, — заученной мантрой выдохнула она.

— Угу, — буркнул парень под нос, но так, чтобы слышали все, — а еще говорят, что в стюардессы только красивых берут. Но, видимо, для этой лоханки лучше не нашлось.

Наталья с невозмутимым видом приветствовала очередного пассажира. Жанна не сомневалась, что обидную фразу та и не подумала принять на свой счет. Опять будет советовать своего чудо-косметолога. Жанна привыкла: Наталья и как бригадир, и как женщина реализовывала свой нерастраченный материнский инстинкт на членах экипажа. Пусть. А на хамство она давно уже не обращала внимания. Хотя про самолет было обидно. Да, у них не самый современный парк, внутренние перевозки и не требуют «боингов», но никаких серьезных происшествий за пятнадцать лет в компании не было. Так, мелочи всякие. Ни одного крушения.

Жанна чуть погладила бежевую отделку салона. Самолет вмещал всего сто пассажиров и был удобен как раз вот на таких коротких внутренних рейсах. «Не обращай внимания, ты самый лучший и надежный. Ты взлетишь и приземлишься. Все будет хорошо». Она при-

выкла разговаривать с самолетами. Ей казалось, что они понимают и даже прислушиваются к ее просьбам. Как тогда... Жанна сглотнула и непроизвольно стиснула карман, в котором хрустнул листочек с рисунком. «Это тебя просто кто-то хочет запугать. Кто-то, кто знает. Кто-то, кому ты оторвешь голову, когда...»

И тут она увидела его — того, кому секунду назад мечтала оторвать голову.

Дима поднимался по короткому трапу, придерживая на плече спортивную сумку. Ей даже показалось, что у нее галлюцинации от переживаний, но именно эта сумка (лично ей привезенная в подарок) и убедила: точно он: Дмитрий Астахов, Димка, Димон — бывший. Тот, кого она выгнала из своей квартиры и из своей жизни полгода назад. Выгнала со страшным скандалом и полицией. Потому что гений фриланса никак не хотел покидать такое уютное насиженное жилье с бесплатным обслуживанием и сексом. Конечно, она сама виновата, что позволила Диме сесть себе на шею.

Поначалу все выглядело очень даже радужно: она сидела дома, Дима зарабатывал денежку, не слишком большую, но все же им хватало на походы в кино и пиццу. И даже на поездки к теплому морю. Как обычно: сред-

ленькие три звезды, «все включено», угарное дискотечное веселье по вечерам. Но две недели турецкого отдыха кончались быстро, и снова наступало одуряющее безделье. Она даже в гости к немногочисленным подругам не могла выбраться: денег на посиделки в кафе или даже на торт к чаю Дима не давал. Он, конечно, объяснял это небольшими заработками, и лишь много позже она поняла, что Астахов просто жмот. Причем жмот только для нее. Как-то она нашла в кармане его джинсов чек на приличную такую сумму. Дима покупал себе носки в фирменном магазине. Три пары стоили ровно столько, сколько Дима выдавал ей на ведение хозяйства в неделю. С обязательным подсчетом потраченного и сверкой чеков.

Унизительность этой процедуры дошла до нее не сразу. Сейчас она прощала себе эту невосприимчивость. Тогда она все еще находилась в странно измененном состоянии души и тела. Когда же она из него вышла, Дима не сразу это понял, и объяснять произошедшие перемены пришлось наряду полиции. Сцена некрасивая и в ее биографии одна из самых неприятных. Но другого выхода она тогда не видела. И до сих пор была уверена, что поступила правильно, поставив точку в семейном вопросе таким радикальным способом. Хотя

Дима так не считал, в чем она совсем скоро убедилась.

И вот теперь ее бывший сожитель готовился сесть в самолет, и бог его знает, что придет в его замутненную компьютерными прогами голову. Или уже пришло. Рука произвольно хрустнула в кармане сложенным листом бумаги с красноречивым рисунком.

Глава 4

Мухин всегда садился впереди, так, чтобы при желании наблюдать за своими орлами. Но чтобы они не видели его: не стоит им знать, чем он занимается в полете. Губы тронула улыбка. Он похлопал Усова, сидящего рядом с ним, по колену.

— Хватит грустить. Смотри, что я тебе из Греции привез. — Вжикнула молния на сумке.

Брови Усова взлетели вверх.

— Как ты пронес-то?

— Секрет. Волшебное слово знаю.

Усов чуть улыбнулся. Геннадий Мухин, наверное, мог считаться ему другом. Он знал про врача команды многое, возможно, даже многое такое, о чем сам Усов предпочел бы забыть. Например, о проблемах с алкоголем в недавнем прошлом. А также о коллекционировании дорогих напитков. Бар в доме спортивного врача напоминал выставку элитного алкоголя. Борьбу с пагубной привычкой Константин Усов решил вести по принципу «клин клином»: про-

сто запретил себе пить дешевые напитки. Постепенно стал разбираться в марках и сортах коньяков, виски и джинов. На очереди стояло изучение винной продукции. Усов уже начал присматривать курсы сомелье.

Константин взял бутыль. Фирменный греческий напиток, настоянный на травах, лениво плескался внутри плоского прямоугольного сосуда.

— Не совсем элитный коньяк, как ты любишь, но все же не самый плохой экспонат для твоего бара, — Мухин постучал ногтем большого пальца по яркой желто-красной этикетке с греческими альфами, омегами и эпсилонами.

Усов улыбнулся. Бросить пить совсем он не мог и не хотел: пригубить вечером пахнущий дымком виски из широкого стакана или джина, отдающего хвойными иголками, считал делом благородным, способствующим работе мысли и улучшению пищеварения. Его бы и проблемы с алкоголем не сильно волновали, если бы одно не тащило за собой паровозиком ворох других, уже чисто медицинских диагнозов. Константин опасливо покосился на соседний ряд. Виктория смотрела в окно, ему было видно лишь ее маленькое ушко, за которое она заложила каштановую прядь, и красную капельку рубина на изящной мочке. Горло привычно перехватило спазмом. Он глубоко вдохнул и выдохнул. Как врач он знал, что излишняя плаксивость — при-